

Кровавый декабрь девятнадцатого года

Так выглядел Григорий Рогов на снимке неизвестного нам года

11 декабря 1919 года житель Кузнецка Василий Толмачев снарядился на Томь за водой. Ехать пришлось по обочине, поскольку дорога была занята вступавшим в город отрядом партизана Рогова. Приехав с реки, Василий Иванович сказал дочери Тамаре Васильевне: "Едут какие-то, черт знает, полудурья". На второй день, вспоминает Тамара Васильевна, загорелся дом купчихи Медниковой, тюрьма и церковь при крепости, городские храмы - Успения, Богородицкая церковь, стоявшая у здания казначейства (сохранившегося на Советской площади до сих пор), Спасо-Преображенский собор.

В собор роговцы, судя по отдельным воспоминаниям, въехали на лошадях - неслыханное святотатство для православных. Но что происходило дальше, не назвать даже святотатством: партизаны изнасиловали и убили прямо под образами жену настоятеля собора, рубили саблями прятавшихся там людей.

Среди них, говорят, была и жена купца Фонарева, чей дом тоже сохранился. Там есть ее фотография - грустные глаза, словно таящие предчувствие ужаса смерти от рук насильников. Голова склонена к сыновьям. Ладные ребята. Один из них, Михаил, потом будет воевать против красных. Здоровый малый, он, говорят, как пушинку, держал на весу ручной пулемет, уйдя после прихода совдепии в Хакасию, а потом дальше, где канул неизвестно в какой дали. На других фотографиях - дочери купца в белоснежных газовых платьях. Судьба их неизвестна...

Но вернемся к событиям декабря восьмидесятипятилетней давности. (По "официальной" версии, Рогов вошел в Кузнецк 20 декабря, покинув его через 4 дня, но есть сведения, что 21 декабря он был уже в Щегловске). Тамара Васильевна вспоминает, что после того, как сгорели деревянные перекрытия собора, рухнул на пол и разбился колокол. А потом "на Томской улице роговцы убили Игумного и Шарова... Как-то к нам зашел роговец, увидел отцовы поярковые валенки, снял свои и забрал отцовы..."

Кирилл Епифанцев добавлял: "Наш дом был большой, и роговцы облюбовали его под стоянку. По вечерам роговцы приносили откуда-то чужие вещи, укладывали в мешки". Именно Епифанцев, со слов своего отца, бывшего плотником у генерала Путилова, утверждал, что роговцы на Путиловском острове за Иванцевской протокой привязали героя балканской и японской войн, старого русского генерала к плахе и распилили его живьем.

Справедливости ради, надо сказать, что были и другие воспоминания. Они собраны в пятом выпуске "Кузнецкой старины" под заголовком: "Роговщина" по воспоминаниям партизан". "Старый партизан" Коновалов, пимокат и член ревкома, вспоминает так: "То, что пишут и говорят о безобразиях Рогова - это вымысел, клевета. Осужден и казнен было человек 12, самых злейших врагов народа. Все они были известны кузнецчанам. Ну, а насчет грабежей, то... грабили не партизаны, а наши кузнецчане и мужики из других деревень под маркой партизан. Если бы не партизаны Рогова и Сизикова, то каратели уничтожили бы нас, повстанцев, и половину жителей города".

Употребление словосочетания "враги народа" выдает знакомство автора с более поздними временами, когда оно было приговором к смерти.

Завхоз Кузнецкой уездной милиции Пинегин согласен с Коноваловым: "Я все время был в Кузнецке и видел, что делалось. Было убито при Рогове десятка полтора-два, тех, кого давно надо было побить за убийства, издевательства и глумления над трудовым народом".

А житель Кузнецка Бехтенов позже говорил: "Вот сейчас (когда? - С.М.) я убедился, что Рогов напрасно не бил людей, основательно разбирался... Надо было бы побить не полтора десятка, а в три раза больше".

К.Г. Пинегина (не родственница ли милиционеру?) рассказывала, как происходили "основательные разборки": "После обеда стали судить кузнецких карателей. Виновных по требованию народа казнили, а у кого вина была незначительной - отпускали. Уголовников и любителей чужого добра - прибрали к рукам".

На этот счет, впрочем, существуют

Товарищи-партизаны РОГОВА

Я, партизан 1-го Бийского полка, Алексеев, которого вы знаете, которому вы доверяли и который жил с вами одной партизанской жизнью, прошу вас, дорогие товарищи, идите к нам. Берите в руки красный флажок и смело идите к нашим товарищам красноармейцам. Никто из вас не будет убит.

С этого дня ни одного расстрела не будет. Мы видим, что вы темные, запуганные люди, которых обманом завели в это гнусное дело и которые теперь боятся к нам идти только потому, что слышали о расстрелах на фронте.

Повторяю: расстрелов больше не будет. Переходите, спрашивайте меня, Алексеева, а я вас запишу в списки добровольцев на Западный фронт и с вами вместе пойдем бить панов!

Я здесь, на фронте, и жду вас. Идите!

Бывший партизан Бийского Кавалерийского Советского полка Алексеев.

Это листовка-обращение к партизанам отряда Рогова, когда взгляды "идейного борца" разошлись со взглядами советской власти и перешли в вооруженное противостояние

еще более подробные воспоминания Романа Тагаева, которые не вошли в свод "Кузнецкой старины", ибо сам Тагаев, военный комиссар Кузнецка, от ревкома официально встречавший отряд Рогова, упоминается здесь в "безобразиях": "Отряды же Побозакова и Тагаева, имея в своем составе по несколько человек, вместо помощи ревкому, сами занимались "реквизициями" имущества убитых купцов и офицеров, так же, как и уголовники, - в свою пользу". Между тем свидетельства Тагаева явно противоречат тому, что вспомнил другой член ревкома - Коновалова.

Тагаев вспоминает обстоятельно и в мельчайших подробностях: "Я встретил их за собором. Рогов и Новоселов ехали в санях, запряженных парой лошадей. Новоселов спросил меня: "Как дела?" - и потребовал поселить его в самой богатой семье. Таким домом в Кузнецке оказался дом купца Акулова. По приезде в город был устроен для гостей обед. Жена Акулова угощала гостей..."

Вскоре, прямо во время обеда началось судилище, и Тагаев на нем присутствовал: "Роговцы приводили к дому купцов, зажиточных людей. Новоселов и Рогов задавали вопрос: "Как жил?" Затем шел приговор: "В сторону" или "Свободен". Если "в сторону" - осужденных выводили на улицу и тут же у дома Акулова рубили голову или закалывали. Если "свободен", выводили в сени и кричали: "Дорогу, дорогу!" - называя фамилию оправданного".

Так казнены были купец Окороков, его жена и старшая дочь, два дня после этого - до ухода Рогова из Кузнецка - валявшаяся на снегу у дома Акулова, заколотая и обезображенная.

"Ввели дряхлого старика, попа собора, отца Николая. "В сторону!" У ворот ему в спину было всажено три штыка..."

Тагаев считал, что в тот день было зарублено пятьдесят человек. Это он доложил ревкому, который пребывал в состоянии паники и ужаса от происходящего.

Цифры убитых в Кузнецке в декабре 1919 года разнятся: говорят о трехстах, четырехстах, семистах жертвах резни. Писатель Заозубрин, к слову, автор потрясающей воображения книги, где со смаком описывается чекистский конвейер расстрелов (кажется, по ней снят фильм), писал в очерке "Неезженными дорогами": "Из четырех тысяч жителей Кузнецка две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто вывозили из домов, тут же у домов, у ворот раздевали и зарубали пашками. Особо "именитых" и "лиц духовного звания" убивали в Преображенском соборе. Редкая женщина или девушка избегала гнусного насилия. Рубились люди по "классовому признаку": руки мягкие - руби, комиссар - руби..."

Относительно комиссаров утверждение, конечно, сомнительное. После Кузнецка Рогов двинулся освобождать от "белогвардейской нечисти" Щегловск. А 29 декабря 1919 года был арестован по решению революционного трибунала. Но уже в феврале следующего года не только реабилитирован, но и получил из партийной кассы Новониколаевска (Новосибирска) 10 тысяч рублей(!) в знак признания заслуг перед революцией. Ему даже пообещали работу в партийных органах. Но Григорий Рогов, сославшись на болезнь, уехал в свою Жулануху Алтайского края, где родился и откуда начал свой революционный путь. Он мечтал создать там "коммуны без белоручек и кулаков". Там его будто бы начали склонять к борьбе против советской власти. Рогов будто бы качнулся против нее. И был убит в столк-

новении с отрядом не то чекистов, не то регулярных советских войск.

Впрочем, упомянутая "Роговщина" в воспоминаниях партизан утверждает, что "Рогов, совместно с Вязилкиным, спасаясь от бандитов, пробирались в Барнаул с целью найти защиту у советской власти". И что он "был похоронен эскадроном чекистов с отданием всех воинских почестей, как герой гражданской войны". Утверждение очень спорное.

Другое дело, что Рогов с его замашками крестьянского вождя ("Рогов едет сядня пьяный, Голова шатается. С анархистскою сестрой Седни обвенчается" - из частушек о Рогове) очень скоро, очевидно, встал поперек горла советской власти, поспешившей от него отказаться, тем более от "висящих" на нем преступлений. Отсюда, видимо, миф о порубленных комиссарах: мол, он вообще был не наш. Хотя факты из "революционной биографии" Григория Рогова, убедительно приведенной в той же "Кузнецкой старине", говорят об обратном.

Рогов, видимо, не был, мягко говоря, и сторонником развернувшейся в деревнях продразверстки подчистую, возможно, препятствуя сдаче продналога. На этом пункте он и стал из сторонников власти ее противником. Хотя и это только наше предположение.

Кстати, судьба Рогова странно пересеклась с судьбой "великого доменщика" Курако, чьим именем назван один из проспектов города.

Известно, что Михаил Константинович в 1919 году жил в Кузнецке, писал свой фундаментальный труд "Доменная печь", участвуя в подготовке строительства "металлургического гиганта", затеянного, вы помните, еще "царским правительством".

Узнав, что здесь живет "один из главных копикузовцев", начальник проектного бюро Курако, роговцы опустошили его дом. К счастью, самого Курако в городе не было - он уезжал по делам в Гурьевск, где, кстати, только чудом избежал неминуемой расправы от партизан Рогова "по высшей классовой справедливости", как метко пишет в своем очерке Мэри Кушникова. Вернувшись в свой дом с мезонином, откуда он любил любоваться ландшафтами, Курако был потрясен: огромная библиотека уничтожена, мебель истоплена. Обрывки рукописи книги - два года напряженнейшей работы - он найдет в нужнике. Курако соберет их и бережно уложит в бумажник...

Через несколько месяцев Михаил Константинович смертельно заболевает. В это время реабилитированному Григорию Рогову в Новониколаевске вручат 10 тысяч рублей, как пламенному революционеру, и он отправится в Жулануху мечтать о "коммуне без белоручек и кулаков".

Каждый из них, очевидно, мечтал о светлом будущем. Но как по-разному!

Жертвы резни были похоронены на старом кузнецком кладбище. И оно ныне (как и дом Курако) уничтожено. На этом месте пустеет заброшенный сад алюминщиков. Исчезли куда-то качели-карусели, не веселится народ. Наверное, в этом месте и странно веселиться. Ведь живы еще те, кто помнит старые могильные плиты со стертыми именами. Порошито бы поставить на старом кладбище памятник жертвам красного террора. Это будет справедливо, коль есть памятник жертвам террора белого. Хотя, наверное, нынче это не модно: вот и праздник "согласия" отметили. Но память о страшной странице истории города не стереть и не отменить.

Савва Михайлов
(по материалам печати).
Фото из архивов.